

К а и н. Я жажду душой добра!
Л ю ц и ф е р. А кто его не жаждет?
Кто любит зло?
Никто, ничто. Но в нем —
Всей жизни и безжизненности дрожжи.

Дж. Байрон. Каин

ЧАСТЬ I

1875 год, конец сентября

ГЛАВА 1

От города до Покровского вела долгая, унылая и однообразная дорога. Леса здесь давно вырублены, лишь кое-где виднеются низкорослые перелески да толпятся вдоль дороги редкие березовые и осиновые колки, сбросившие последнюю листву под порывами осеннего ветра. Тут даже летом, в самую жару, никогда не просыхает грязь, и вода держится в выбитых колесами рытвинах до самых заморозков.

Молодой человек, по виду почти подросток, изрядно вытянувшийся, но пока не раздавшийся в плечах, выглянул из кибитки и плотнее запахнул студенческую тужурку. Одет он был явно не по погоде, даже без картуза, но по странной причине почти не чувствовал холода. Он не бывал в этих местах четыре года. За это время успешно

прошел три курса университета, у него стали расти усы, и он уже знал, что такое любовь женщины, но здесь ничего не изменилось. Все то же хмурое небо, непролазная грязь, снопы соломы на полях, а на жнивье пропасть ворон, жадно хватающих все, что не успели подобрать крестьянские руки.

Родительский дом показался внезапно. Раньше его скрывали огромные разлапистые сосны, целая сосновая роща. Но сейчас от нее остались одни пеньки — и это оказалось единственным изменением в округе, которое удалось заметить молодому путнику. Дом уже не заслоняли деревья, и он был виден за несколько верст издалека.

Дорога шла прямо, но молодой человек знал, что она еще много раз нырнет в овраги и скроется в низинах, прежде чем доберется до усадьбы. Но сначала она минует село. По российским меркам, Покровское — село молодое, сотня с небольшим лет, по сибирским — старое. Но, кажется, именно здесь воплотился в полной мере дух аракчеевщины, явления для Сибири ранее неведомого и по сей причине удивительного.

Улицы села словно выровняли по линейке. Избы издавна строились добротные, пятистенные, с тесовыми и крытыми дранкой крышами. И выглядели они точь-в-точь как бравые фельдфебели или сытые унтер-офицеры, раздобревшие на щедрых сибирских хлебах. Вытянулись они вдоль идеально прямой дороги военным строем и, кажется, впрямь готовы взять под козырек.

Село заканчивалось площадью. На дальнем ее краю — сельская церковь с тремя куполами, выстроенная из крепкого, бревнышко к бревнышку, листвяга. Напротив же — грязная хибара питейной лавки, дешевого кабака с вечно распахнутыми дверями, где ширина крыльца соразмерна лишь широте души подгулявшего завсегдатая. Местным поклонникам зеленого змия сей притон порока только тем и был интересен, что в нем завсегда могли поднести чарку отвратительного, но дешевого пойла. Здешние шинки да кабаки тем и славились, что способны были на-

поить до смерти хоть лихую орду ватажников, хоть артель старателей, хоть местного попа со всем его причетом.

Но для молодого человека он был памятен своей коновязью, которую заменял самый что ни есть настоящий бивень мамонта, по виду больше смахивающий на ствол сухого дерева, чем на окаменевший фрагмент древней челюсти. На кости и черепа доисторических животных то и дело натыкались в шурфах и находили в речных отложениях дикие золотодобытчики — бергалы и «хищники», поэтому они здесь были не в диковинку, и по этой причине никто в Покровском уже не помнил, когда и с какой целью привычное бревно заменили древним бивнем. Скорее всего кто-то посчитал, что он гораздо прочнее дерева, а может, просто вовремя подвернулся под руку.

Впрочем, внимание подпивших клиентов не привлекала и ярко-желтая, издалека заметная вывеска с изображением черного улья, многие годы висевшая на хибаре. Несомненно, этот масонский символ на стене придорожной забегаловки тут, в таежной глубинке, уже утратил свое значение. Но молодой человек знал, что это дань былым увлечениям обитателей усадьбы. Его родного гнезда, к которому он стремился всей душой на протяжении почти месячного пути из Москвы до Североеланска и двух дней нудно-бесконечной дороги до Покровского.

Подобно деревенским избам постройки усадьбы располагались также по линейке и ранжиру, точно полки и дивизионы на плац-параде. Как это принято в среднерусской полосе, два гранитных столба, два каменных стража, увенчанных шарами, охраняли въезд на длинную, в четыре ряда деревьев аллею. В прежние времена кибитку молодого человека встретили бы за добрую версту от села, а у ворот усадьбы его непременно поджидала бы матушка в теплом салопе и в бархатном чепце. Она бы близоруко шурилась на дорогу и подносила к глазам кружевной платочек...

Молодой человек громко вздохнул, и возница на облучке оглянулся.

— Теперя недолго, барин! — И перекрестился. — Опустел дом, затих...

Но пассажир разговора не поддержал и только сильнее насупился.

Возница крикнул и огрел кнутом одну из двух лошадей, тянувших кибитку от последней почтовой станции, или станка, как их называли в здешних местах. Молодой путник прибыл на нее вечером, переночевал в доме смотрителя, потому как по прежнему опыту знал, что постоянный двор с наступлением темноты превращался в густой вертеп, где находил себе пристанище всякий подзирательный сброд.

В его темных, освещенных лишь жалкими свечными огарками убогих клетушках с грязными стенами и закопченными потолками, никогда не мытыми заплеванными полами и набитыми соломой и блохами тюфяками ютились бежавшие с каторги убийцы и мастеровые с казенных заводов, вышедшие из тайги старатели и крутившиеся возле них шулеры и прочие жулики. Срамные бабы, которых никто не знал по имени — известны были только их непристойные клички, — цеплялись ко всякому постояльцу, подыскивая себе клиентов. И, не заботясь о морали, тут же задирали грязные юбки, чтобы удовлетворить столь же грязное вожделение своих испитых, оборванных кавалеров, зачастую за миску похлебки или за чарку отвратительно пахнущего «шандыка» — едва разведенного контрабандного китайского спирта.

Молодой человек брезгливо сморщился. Хотя чем столичная жизнь с ее соблазнами и тщательно скрываемым от посторонних глаз развратом, ставшим нормой даже для благородных семейств, отличается от местных диких нравов? И здесь и там правят бал одинаково низкие чувства: корысть, обман, супружеская измена, которые вскормили, точно навоз, вульгарный цветок с покрытым мерзкой слизью стеблем и жадно раскрытыми навстречу соблазну лепестками, напоминавшими с виду протухшее мясо. Имя тому цветку — Похоть, которая зарождается в

самых потаенных уголках человеческого сознания. Низкие желания сродни животным инстинктам, и только человек, управляющий своим сознанием и чувствами, способен победить в себе страшного зверя, погасить угрозу порабощения темными силами.

Люди придумали эти силы сами, чтобы оправдать себя и найти причину всего дурного, что творят они в угоду своим прихотям и тщеславию. И в каком бы воплощении ни наступало нас зло, в какие бы одежды ни рядили его люди, оно существует и рождается не где-то далеко, а в нас самих. Зло — это зеркало, в котором отражается лицо человека. И мало кто осмелится посмотреть в него без страха. Потому что там хорошо видны и зависть, и жажда власти, и алчность, и беспримерная гордыня — все те низменные чувства, которые порабощают и угнетают слабую душу.

Но свободный человек с душой, подвластной разуму, сам делает выбор: сознательно пойти на поводу у темных инстинктов либо побороть их в себе.

Так думал студент, в чьей голове воззрения античных философов и бредни французских и английских мудрецов о ладно скроенном, благочестивом и процветающем обществе смешались в полнейшую кашу с новомодными учениями Гегеля и Канта и той абракадаброй, что порой звучала на лекциях отечественных профессоров и академиков. Сцепившись в драке, метафизика и диалектика сотворили в его мозгах полнейший кавардак, отчего прежде веселая физиономия приобрела угрюмое выражение, а в глазах полыхал мрачный огонь, выдавая почти сложившегося неврастеника.

Дорога тем временем вступила в березовую аллею, ведущую к нарядному парадному подъезду, ворота которого стерегли две готические башни из серого плитняка, выдавая пристрастия владельцев усадьбы к европейскому образу жизни. Они смотрелись более чем нелепо на фоне добротных сибирских изб и чахлой северной растительности.

Сам же дом возвышался в глубине двора массивной трехэтажной громадой с бельведером, украшенный тосканским портиком о четырех колоннах, к которому вела со стороны двора широкая, из двух отдельных пролетов лестница. Замкнутая цепь абсолютно симметричных флигелей и прочих хозяйственных построек, стрельчатые окна, зубцы, остrokонечные башни — все вместе чем-то напоминало средневековый замок. Но было в такой похожести что-то нарочитое, театральное, буффонадное. И это впечатление не пропадало оттого, что все постройки и сам дом, словно полковые казармы и арсенал, были выкрашены в казенные желто-белые цвета.

Ворота оказались закрыты. Никто не встречал молодого человека. Он приказал вознице остановиться и вышел из кибитки. Разминая затекшие от долгого сидения ноги, огляделся по сторонам. Вытянувшийся поперек подъездной аллеи высокий каменный забор с выступами и бойницами, с тяжелыми, обитыми листовым железом воротами был всего лишь задней стеной двух флигелей с конусовидными крышами. Флигели эти, украшенные псевдоготическими деталями, ажурными арками и башенками, напоминали собой старинные ратуши Фландрии. И неудивительно, прадед нынешнего владельца дома был выходцем из тех благословенных мест...

Возница подошел к воротам и повернул массивное чугунное кольцо. Несколько раз бухнул колокол, веревки от которого приводились в движение кольцом. Залаяли собаки и, подбежав к воротам, стали бросаться на них, яростно рычать и подсовывать оскаленные морды в узкую щель над землей.

Следом раздались сердитые крики: псов отгоняли, и, судя по их оглушительному визгу и завыванию, палкой или ногами. Наконец ворота распахнулись, и взору приехавшего предстал здоровенный мужик с лохматой бородой, одетый в зипун, чем-то смахивающий на военный камзол павловских еще времен, но ветхий и без пуговиц.

— Барин! — завопил он радостно. — А мы не ждали вас

скоро! Распутица да хляби, едри их в корень! Снег уже срывается! — Он радостно взмахнул руками и, повернув голову, рывкнул куда-то за спину: — Федотка! Итить твою мать! Встречай барина!

— Позволь, Данила! — Молодой человек отстранил мужика и прошел мимо него в ворота. И только бросил через плечо: — Лошадей прими, а возчика вели накормить и на ночлег определить! Завтра утром мне возвращаться.

— Слушаюсь! — вытянулся в струнку с самым довольным видом Данила. — Сей момент велю исполнить. — И поспешил к кибитке.

А гость, не оглядываясь, ступил на огромный двор, заросший убитой заморозками травой и усыпанный толстым слоем опавшей листвы. По двору бродили десятка два гусей и важные толстые индюки. Молодой человек сразу отметил, что подобного беспорядка прежде не случилось. И двор вовремя убирали, и птицу держали на птичьем дворе. Но сейчас его не поразил бы даже вид свиней, копошившихся в истоптанных и загаженных птицей лужах. Все пришло в запустение, и он знал почему. По очень грустной и неприятной причине, из-за которой он вынужден был оставить учебу в университете и мчаться за тридевять земель в эти гиблые края, которые он когда-то, как ему казалось, оставил навсегда.

Какой-то мужик — приехавший не узнал его издали — тащил на поводках трех огромных волкодавов. Они упирались и злобно огрызались, порываясь броситься в сторону гостя. Тот усмехнулся, даже собаки отказываются признать его за своего, а дом — тот и вовсе пялится на него грязными окнами, как на чужака, посмевшегося незаконно вторгнуться в пределы усадьбы. Впрочем, так оно и есть на самом деле. Здесь ему ничего не принадлежало и уже никогда принадлежать не будет.

Молодой человек брезгливо стряхнул с лацкана сюртука гусиное перышко и громко крикнул:

— Данила, носи багаж в дом! — И сделал несколько

шагов по пешеходной дорожке, которая шла вдоль подъездной дороги.

— Сашенька! Голубчик! Александр! — Радостные крики раздались одновременно с двух сторон. И молодой человек остановился.

С крыльца навстречу ему спускалась маленькая сухонькая старушка в накинутаой на плечи толстой шали, а из-за угла флигеля вывернул и застыл на одном месте высокий крепкий парень в одной рубаше, домотканых портках и босиком.

— Няня! — Лицо молодого человека преобразилось. Глаза его сияли, а рот растянула улыбка. — Няня! — повторил он и раскрыл ей свои объятия.

Старушка прижалась к его груди, обхватила руками за плечи и запричитала сквозь слезы:

— Сашенька! Радость ты наша! Удалось-таки свидеться! А матушка-то, Анна Николаевна, царствие ей небесное, не дожила, не дотерпела! — Она уткнулась лицом в грудь воспитанника, и плечи ее затряслись от горького плача.

— Ну, нянюшка, ну, милая! Уймись! Слезами горю не поможешь! — Он гладил ее по спине, но старушка от его ласковых слов и уговоров плакала еще сильнее.

Александр, продолжая обнимать свою старую нянюку, перевел взгляд на парня, который в двух шагах от него переминался с ноги на ногу, от холодной росы они покраснели, точно гусиные лапы.

— Федотка, я тебя не узнал. — Гость усмехнулся. — Ишь вымахал, выше меня на голову небось?

— Да я, что я? — смутился тот. — В городе оно знамо как... Не разьешься! А у нас сметана да сало. И молока — хоть купайся в ем!

— Где отец? — спросил Александр.

— А где ж ему быть, извергу? — Нянюка отстранилась от любимца. Глаза ее, не просохшие от слез, гневно сверкнули. — В покоях своих, сатана! Тьфу на него! — Она сер-

дито сплюнула и перекрестилась. — Таперича ему белый свет в копейку, а то бы с самого утра криков было да ругани!

— Он что, еще не встал? — удивился Александр. — За-немог, что ли, с похмелья?

— Какое похмелье? — замахала руками нянька. — Удар его хватил. Вот уж три недели лежит в постели как колода. Под себя ходит. Язык совсем отнялся. Мычит только, как тот телок по весне.

— Удар? — удивился Александр. — Он же никогда не болел?

— А ты попей столько, — покачала головой нянька, — он, почитай, не просыхал, как маменьку похоронили!

— А эта... где? — сквозь зубы процедил молодой человек, и глаза его полыхнули ненавистью.

— Злыдня, что ли? Мамзелька? — справилась нянька. — Так сбегла. В ту же ночь и сбегла, как Родиону Георгиевича удар хватил.

— Сбежала, значит? — Лицо Александра перекосилось. — Она знала, что я еду?

— Нет, ей-богу! — старуха перекрестилась. — Как велел, батюшка, никому не сказывали! Ни барину, ни мамзельке... Только... — Она виновато посмотрела на своего воспитанника. — Только злыдня эта все золото и каменья маменькины прихватила, да двадцать тысяч рублей, да процентные бумаги, что в несгораемом шкафу хранились. Мамзелька его ключом открыла, что Родиона Георгиевич на гайтане таскали.

— А «Эль-Гаруда»? Что с ней?

В ответ нянька только развела руками и понурилась.

Лицо Александра побелело от ярости, глаза сузились, и он грязно выругался. Нянька и Федот быстро переглянулись. Молодой человек заметил их взгляд и криво усмехнулся.

— Жаль, что эта дрянь исчезла! Верно, догадалась, что придется отвечать за свои проказы! — И, направив взгляд поверх их голов в сторону дома, спросил: — Где сестра?

— Полюшка? Ласточка? — расплылась в улыбке нянь-

ка. — Да где ж ей быть? В детской! С ней Федоткина сестра водится. Помнишь Настену? Такая красавица выросла! От женихов отбоя нет.

— Она меня, наверно, не узнает, — сказал Александр, имея в виду отнюдь не красавицу Настену. — Сколько ей было, когда я уезжал? Чуть больше года. А сейчас где-то пять, наверно?

— Правда твоя, Сашенька, — радостно закивала головой нянька, — шестой годок пошел. Красавица да умница растет, вылитая маменька.

Губы молодого человека скривились. Казалось, он вот-вот заплачет. Но сдержался, не заплакал, лишь попросил:

— Проводи меня к могилке! — Затем перевел взгляд на Федота. — Ты почему босиком?

— Так не успел, — повинился тот, расплывшись в улыбке. — Шибко обрадовался, вот и выскочил голяком.

— Иди обуйся, — приказал Александр, — и найди мне Петра. Что-то он не показался даже.

— Дак он на мельнице с утра. Как уехал засветло, так и не появлялся. Велел, правда, сразу верхового прислать, ежели барчук зайвится. Словно чуял, батюшка, словно чуял... — закрестилась нянька торопливо. — Али послать?

— Немедленно, — ответил тот и положил руку няньке на плечо. — А ты отведи меня к маменьке. Где она лежит?

ГЛАВА 2

Они прошли сквозь старый парк. Деревья разрослись, и в летнее время здесь, наверно, было сумеречно и тихо, пахло прелой листвой, судя по всему, ее не убрали с прошлой осени. Повсюду валялись сломанные ветви и упавшие деревья. Кое-где ветки стащили в кучи, а деревья распилили на чурки. Но в прежние времена их бы перенесли под навес, а теперь все осталось в добычу дождям и скорому снегу. Все пришло в запустенье. И парк, и двор, и дом, и хозяйство...

Александр с угрюмым видом оглядывал эту печальную картину, воочию убеждаясь, как быстро хаос одерживает победу над порядком, и удивлялся, как мало надо времени, чтобы творения рук человеческих обратились в прах.

Они миновали парк, затем хозяйственный двор. В сплошной цепи рабочих построек: флигелей, конюшен, амбаров, коровников и кузницы, где, как в былые времена, стучал молот и гремели железом, нашлась маленькая калитка, которая вывела их к берегу реки. Тут, на высоком откосе, издавна стояли две беседки-павильона. Когда-то в них обожали принимать гостей и распивать чай, любясь летними вечерами привольным плесом, синей полоской дальнего берега, скользящими по водной глади рыбацкими лодками и пароходами, которые, по давно заведенному обычаю, приветствовали обитателей усадьбы длинными гудками. Беседки были необычной, пятиконечной формы, еще одна дань когда-то процветавшим здесь масонским увлечениям.

Теперь беседки были изломаны внутри и снаружи, и по вони, которую они источали, молодой человек понял, что сейчас у них другое, весьма низменное предназначение.

Но беседки они обошли стороной. Узкая, едва заметная тропка, усыпанная старой сосновой хвоей, вывела их на каменистый утес к побеленному известью бакену. В темные летние ночи на нем вывешивали фонарь, чтобы видели издалека капитаны пароходов, какая опасность их поджидает — Колгуева шивера, самый страшный порог на реке, с множеством громадных валунов, чьи истертые водой горбатые спины едва виднелись среди огромных волн.

В нескольких шагах от бакена стояла, как и прежде, скамеечка — любимое место его матушки. Здесь она, отдыхая от забот и дикого нрава своего супруга, могла сидеть часами, следить за быстрым бегом речных струй, слушать грохот бьющихся о подножие утеса волн и наблюдать, как чайки, нервно вскрикивая, а то надсадно горляня, на лету касаются крылом воды.

Молодой человек остановился возле скамейки и полной грудью вдохнул свежий ветер. С высоты берега перед ним открывался небывало красивый вид на многие версты вокруг. Чуть дальше порога, где река, ширясь и растекаясь в своей долине, принимала в себя множество ручьев и речушек, от налетевшего шквального ветерка бежали-струились змейками полоски ряби. Чайки по причине осенних холодов уже исчезли, лишь маячила вдалеке одинокая лодка с горбившимся на ее дне рыбаком. Вот-вот пойдет шуга, и пароходы уже стоят в затоне, до следующей навигации. И лишь у прибрежных камней, как в старые добрые времена, всплескивала тяжелая волна, покачивая просмоленные рыбацкие лодки около развешанных на берегу сетей. А позади на закатном небе громоздились тучи — синие, лиловые, а между ними, словно всполохи, проглядывали огненные, оранжево-багровые и бледно-зеленые просветы неба.

Закрыв глаза, Александр представил вдруг, какими он видел эти места в последний раз. На береговом откосе темно-зеленой лентой тянулся лес, на пойменных лугах колыхались травы, ветер гонял волну по густым нивам. Зарницы вспыхивали в небе — верный признак того, что зацвела рожь... Матушка нашла его здесь уже под вечер. И они долго сидели вместе на лавочке. Маленькая Полина спала на руках у матери, а они все никак не могли наговориться и не подозревали, что прощаются навсегда...

Александр вздохнул, открыл глаза и посмотрел на няньку. И она поняла его молчаливый вопрос.

— Вон там могилка, у деревьев.

Она протянула руку, но он сам и без подсказки увидел невысокий, обложенный побеленными известью камнями холмик с простым деревянным крестом. Сверху могилу сплошь укрывали зеленые пихтовые ветки, и нянька пояснила, что их меняют каждую неделю.

— По весне цветочки посадим, — сказала она тихо, и Александр поверил ей. Старая будет ходить сюда до последнего часа, пока ноги носят, пока держит земля.

— Оставь меня, — тихо попросил он и подошел к могиле. Некоторое время стоял над ней молча, затем опустился на колени.

Нянька отошла в сторону и, пригорюнившись, наблюдала, как он припал головой к веткам. Некоторое время ни один звук не нарушал тишину этого уединенного уголка. Наконец Александр поднялся на ноги, перекрестился и что-то быстро пробормотал сквозь зубы. Он еще больше осунулся, побледнел, а черты лица заострились. По-детски пухлые губы сжались в тонкую полоску.

— Как это случилось?

Нянька сложила молитвенно руки и покачала головой:

— Одурел Родиона Георгиевич под старость лет, как есть одурел! Ведь он на Анну Николаевну надыхаться не мог, обвенчаться с ней хотел.

— Я знаю, он мне перед отъездом обещал! — Александр склонил голову и исподлобья посмотрел на няньку. — Ну, сказывай же, не рви сердце.

Нянька тяжело вздохнула, перекрестилась и отвела взгляд.

— Что тут сказывать. Год назад нашли где-то в городе эту мамзельку, гуверненкой для Полюшки. Поначалу она тихая была, покладистая, только мне, вот те крест, сразу не показалась. В глаза не смотрит и по всякому случаю улыбается.

— Красивая?

— Бог ее знает, — нянька пожала плечами, — Настена во сто крат лучше, а эта худущая, глаза черные, ведьмачьи. Посмотрит — мороз по коже дерет. Не нашего она облика, то ли цыганка, то ли еще кто.

— Говори, няня, не томи, — взмолился Александр. — Как она отца окрутила?

— А того никто не знает, — нянька снова перекрестилась, — но через месяц, как эта шалава в дом вошла, Родиона Георгиевич велел вашей матушке перебираться во флигель. К обеду ее перестали приглашать, а вскоре запретили в доме появляться.

— Сестра с ней жила?

— Нет, мамзелька не позволила. Родиона Георгиевич шибко Полюшку любил. И она не посмела его от дочери отвадить.

— А что же матушка? Неужели терпела?

— Нет, не терпела! Она пыталась вашего батюшку разумить, усостить его, а он и вовсе взбесился, орал, ногами топал, а после велел ее в спину с крыльца вытолкать, и это на виду у всей дворни. Ключи у нее отобрали и от дома, и от амбаров. Все мамзелька в свои руки прибрала. Матушка с горя слегла, так Родиона Георгиевич ни разу ее не навестил. Она бы с голоду померла, если б я ее не кормила. Недели через две она поднялась, попросила Полюшку принести, плакала, молилась. Настена девочку вывела во двор, уже к самому флигелю подходили, а мамзелька заметила, вырвала Полю из рук Настены и по щекам нахлестала девку за ослушание. Она, вишь, уже всю с Родионой Георгиевичем жила. В матушкиной спальне поселилась, платья ее носила, украшения. И за обедом, бывало, на виду у всех так уж ластится к нему, прямо-таки оближет всего, а он слова супротив нее не скажет. И когда матушка после болезни все-таки поднялась к нему в кабинет, он избил ее плеткой на глазах у этой гнусной девки. Хлещет он, значитца, Анну Николаевну, а та только руками прикрывается, но не кричала, на колени не падала. А эта паскудница его подогревает, науськивает: «Бей ее! Бей!» Пошто, дескать, тебе старуха, когда такая молодка рядом! И задницей крутит, словно сучка дворовая, шалава подзаборная! — Старушка замолчала и вытерла слезы на глазах. И добавила едва слышно: — А ночью Анна Николаевна с утеса бросилась. Выловили ее через неделю аж за пятьдесят верст отсюда в тот день, когда ей ровно сорок годков исполнилось... Отпевать в церкви не стали по той причине, что сама себя по решила, правда, похоронили горемышную чин-чинарем, помянули всем домом, но батюшка ваш не пришел, пьяный в дым лежал, видно, совесть эта девка отнять у него

не сумела. А после я видела, как он крадучись несколько раз к могилке приходил. И пил, пил каждый день, пока удар не хватил. Его Петр утром возле кровати нашел без памяти, а мамзелька, видно, ночью смылась, шкаф опустошила и сбежала. Только как она убралась, никому не ведомо. Али кто поджидал ее? И, может, удар она этот тоже подстроила? Ведь батюшка ваш на здоровье никогда не жаловался. На спор пять пудов поднимал.

Александр скрипнул зубами и выругался. Затем приказал:

— Проводи меня... к этому... — и чуть ли не бегом бросился по тропинке к дому.

У крыльца парадного входа их дожидались Данила, Федот и еще один, лет тридцати, мужчина, одетый чисто, почти по-господски.

— С приездом, барин, — поклонился он. — Родиону Георгиевичу доложить о вас?

— Не надо. — Молодой человек пожал ему руку. — Что скажешь, Петр?

— Завтра стряпчих ждем, — ответил тот угрюмо, — или послезавтра. Вы хорошо сделали, что раньше появились.

— Это ничего не меняет, — ответил Александр, — все без меня давно решили, описали и прибрали к рукам. Теперь я здесь никто. — Он поднял голову и обвел взглядом окна дома. — Завтра утром я уеду. Сестру заберу...

— Господь с тобой, батюшка! — всполошилась нянька. — Куда ж ты ее повезешь? Без средств, без жилья? Махонькая она, ей дом нужен!

— Какой дом? — спросил Александр тоскливо. — Этот, что ли? Так это теперь чужой дом! И Полина никому здесь не нужна. И тебе, голубушка, тоже надо место искать! И тебе, Петр, и тебе, Данила.

— Знамо дело, — вздохнул Данила. — Барон небось своих прислужников привезет!

Александр посмотрел на Федота.

— Поедешь со мной? Мне нужен помощник!

Он не сказал «слуга», и это явно понравилось Федотке, потому что он тотчас ответил:

— Знамо дело! Куда прикажете?

— Завтра рано утром отправимся. Проследи, чтобы мои вещи не разбирали. Я уже предупредил возницу, что с ним в город вернемся. — Он перевел взгляд на няньку. — Собери Полину. Посмотри, чтобы тепло была одета. И провизии приготовьте дня на два, а лучше на три.

— Сашенька, — запричитала старушка, — куда спешить? Поживи, отдохни, никто же тебя не посмеет прогнать при живом батюшке. До весны доживешь, а там, может, дело решится. Того гляди, Родиона Георгиевич оклемается и признает тебя и Полюшку...

Молодой человек смерил стоявших перед ним слуг хмурым взглядом, но ничего не ответил, только снова прошелся взглядом по окнам и перевел его на няньку.

— Проводи меня... к нему! Где он лежит?

— Да где ж ему лежать? — удивилась нянька. — В покоях своих, на втором этаже. В тех, что возле кабинету.

— Все равно проводи, — насупился Александр. Он не хотел признаваться, что испытывает неподдельный страх. Его отец, известный по всю округу самодур, получивший в наследство от родителя, верного сподвижника графа Аракчеева, любовь к барабанному бою и шпицрутенам и воспринявший как личную оплеуху сообщение об освобождении крестьян от крепостной зависимости, был точной копией своего отца, барона Георгия фон Блазе. Сын мелкопоместного дворянина, барон получил свой титул не по наследству, а за заслуги перед Отечеством по протекции самого Аракчеева. И очень гордился тем, что, подобно графу, тоже «на медные деньги учен» и не знает ни одного иностранного языка, кроме родного — немецкого, и то с горем пополам.

Но Георгий фон Блазе, ярый крепостник и первейший исполнитель воли своего кумира, не смог простить Аракчееву разработанный тем проект отмены крепостного права в России, гораздо более достойный, чем тот, который осуществили через сорок с лишним лет. Дед Александра позволил себе крайне дерзко разговаривать со

всесильным временщиком, за что был сослан в Сибирь, но без лишения прав, сословных привилегий и имущества.

Сюда, в Покровское, он прибыл полсотни лет назад с гигантским обозом в две тысячи подвод, грузовых фур, бричек, карет, рыдванов, огромным стадом коров и табунами лошадей. Современники, свидетели печального исхода барона фон Блазе в Сибирь, сравнивали его с нашествием гуннов, только в обратном направлении, а самого барона — с Аттилой: почти всю дорогу он проделал в седле, во главе длинной колонны поселян, одетых в военные мундиры. Именно в Покровском он осуществил давнюю мечту — выстроил свою жизнь и жизнь своих крепостных, которых в Сибири прежде отродясь не водилось, по законам военных поселений, отцом которых являлся граф Аракчеев.

Вся жизнь в Покровском на протяжении двадцати лет, пока крестьяне не взбунтовались и не убили ненавистного им хозяина, подчинялась строго установленным правилам и дисциплине. Крестьяне в поле работали под присмотром капралов, которых барон назначал по собственному выбору. Рано утром вставали, ели, ложились спать по сигналу дудки и барабанному бою. Даже печи растапливали одновременно, а ночью запрещалось зажигать свет в избах. Тяжелый труд в сочетании с палочной муштрой изматывал крестьян, приводил к болезням и ранним смертям. Дети начинали свою службу с семи лет и тянули эту лямку почти наравне со взрослыми.

Барон, скучавший и страдавший от невозможности проявить себя более масштабно, был горазд на всяческие забавы. Особое удовольствие ему доставляло составление семейных пар. Он тасовал женихов и невест, как карты в колоде, согласно своим прихотям и капризам, не отказывался от «права первой ночи», которая порой растягивалась на неделю, если невеста была молода и хороша собой. Впрочем, особое наслаждение он испытывал, врываясь в избу, где находились в тот час молодожены, и приказывая на его глазах заниматься тем, чем обычно занимаются

новобрачные, когда их оставят одних. И если они отказывались или жених от испуга проявлял свою беспомощность, виновных наказывали на конюшне шпицрутенами.

Единственной заслугой деда оказалась безукоризненная чистота на улицах и в избах, а также поголовная грамотность крестьян мужского пола, которые с малых лет обучались в школе, где царили тот же солдатский дух и палочная дисциплина.

Наконец терпение крестьян лопнуло. Барона подкараулили в лесу и проломили ему голову кузнечным молотом. Неизвестных злоумышленников так и не сумели изловить, а барон скончался не в собственной постели, как положено именитому дворянину, и не на поле брани, как свойственно бывает офицерам его величества, а в грязной луже на дороге. Но за его убийство поплатились многие. Сын убитого барона Родион призвал на помощь военную команду и казаков. Расследование учинили быстрое, и тридцать человек, объявленных самыми злыми мятежниками, прогнали сквозь строй, отчего половина из них сразу или чуть позже скончались.

За подобное самоуправство барон фон Блазе-второй получил строгое порицание из уст самого губернатора, на том все и закончилось. Правда, наследнику не удалось в полной мере восстановить те жесткие порядки, которые царили при его батюшке: наступили другие, более просвещенные времена. А с отменой крепостного права барон и вовсе утратил власть над своими бывшими крестьянами. Правда, весьма преуспел в делах, сумев за короткий срок прибрать к своим рукам все наиболее выгодные промыслы на севере губернии. Но от самодурства не избавился, теперь его жертвами стали домашние да слуги, которых он держал в вечном страхе и в черном теле.

Родион фон Блазе был высоким краснолицым человеком, с мясистым лицом и тяжелым подбородком. Огромный рот, нависший лоб, широкий, искривленный от удара отцовского кулака нос, маленькие глубоко посаженные глаза... Более всего он смахивал на обезьяну в мундире

павловских времен, и не зря получил от соседей кличку Гамадрила. Никто не знал точно, что она означает, но Александр, научившись читать, вскоре обнаружил в одной из книг, что гамадрил — порода обезьян, а всмотревшись в картинку, изображающую лохматого тропического обитателя, нашел несомненное сходство со своим родителем.

Сын страшно боялся, что внешне будет походить на своего отца, но благодаря всевышнему унаследовал черты своей матушки. Анна Николаевна была из крепостных барона, но благодаря своей красоте и недюжинному уму избежала жалкой участи остальных крестьянок. Более двадцати лет младший фон Блазе прожил с ней в гражданском браке. Анна Николаевна родила ему двух детей, которых Родион Георгиевич по-своему любил и обещал признать их по закону, передать сыну титул барона и отписать ему все имущество, движимое и недвижимое. В родстве он имел только одного кузена и несколько племянников, которых никогда в своей жизни не видел. Те проживали в Курляндии и влачили почти нищенское существование, а состояние барона исчислялось уже многими сотнями тысяч рублей и день ото дня продолжало расти.

И вот теперь этот человек, громкоголосый, наводивший страх на всю округу, большой любитель устроить выволочку всем, кто подвернется под руку, скорый на ногу и на подъем, превратился в неподвижного, почти невменяемого истукана, не способного пошевелить ни одним членом. Через день-два сюда явится его опекун, тот самый нищий кузен из Курляндии, ничтожный человекешка, и все приберет к своим рукам — и дом, и уголья, и лесосеки, и склады, и верфи, где строятся баржи для перевозки леса...

Все прихватит это жадное отродье. А Александру, ублюдку, бастарду, незаконнорожденному, равно как и его малолетней сестре, достанутся в наследство горе и нищета. И все потому, что отец, поддавшись греховным собла-

знам, не удосужился узаконить отношения с женщиной, которую, бесспорно, любил. Явно любил — и все же довел до могилы из-за ничтожной, корыстной девки, для которой он был всего лишь сытной кормушкой. И тем более странно, что он всегда подозрительно относился к подобным женщинам, никогда не был падок на лесть и не верил обещаниям. А тут — словно в омут бросился, прогнал жену, забыл о детях...

Александр быстро, не оглядываясь, миновал ступеньки крыльца и вошел в дом. Нянька, задыхаясь, едва поспевала следом.

Но не успели они сделать и десятка шагов, как раскрылись боковые двери и навстречу им вышла высокая статная девушка, белокурая, голубоглазая, с косой, уложенной вокруг головы короной. Она поправила на голове полшалок, взгляделась в сумрак. Он уже полностью окутал дом, но огни по какой-то причине пока не зажигали. И все же она разглядела все, что следовало разглядеть. Глаза ее радостно блеснули.

— Александр, Саша! — вскрикнула она и прижала руки к груди. — Вернулись?

— Настя? Ты ли это? — не менее радостно отозвался тот. — И вправду красавица стала!

— А я что говорила? — подала голос нянька. — Уже просватали, поди, нашу Настену! Через две недели свадьбу сыграем!

— За кого просватали? — Александр подошел к Насте вплотную и взял ее руки в свои. — Скажи, хорош ли собой жених? Любит ли тебя?

Девушка покраснела и потупилась.

— Скажете тоже, барин! Я его разок всего и видела, когда сватали.

— Дак ты его, батюшка, знаешь, жениха-то Настены. Корнилов Любим Ерофеевич, — встряла в их разговор нянька. — Тот, что делами на судоверфи заправляет. Мужик он самостоятельный, вдовец, не пьет совсем. Хорошим мужем будет, тем более что в семье у Насти, помимо ее да Федотки, еще семеро ртов. Так что выбирать ей не приходится.

— Так он же лет на тридцать, если не больше, старше ее? — изумился Александр. И опять посмотрел на девушку. — По своей воле за него идешь?

Настена пожалала плечами, высвободила ладонь из его рук и прикрыла лицо краем полушалка.

Он оглянулся на няньку.

— Приведи мне сестру. А я здесь тебя подожду.

Нянька, беспрестанно оглядываясь, пока Александр гневно не сверкнул на нее глазами, направилась в двери, из которой вышла Настена, и затворила ее за собой.

Тогда молодой человек обнял девушку за плечи и привлек к себе.

— Что, забыла, — прошептал он, задыхаясь, — как за овином целовались? На старика меня променяла? А ведь клялась, что любишь. Забыла?

— Нет, не забыла! — Настя попыталась освободиться из его рук, но он держал ее крепко. И она проговорила, точно так же задыхаясь: — Сами меня забыли! И не попрощались даже, когда в город уезжали. Зачем вам бедная девушка? Посмеялись, поиграли — да из сердца, словно обувку с ноги уронили, выкинули! А за стариком плохо ли? Он меня беречь будет, наряжать, в город жить переберемся. Я ведь в нем, почитай, раз всего и побывала, а посмотреть ужас как хочется!

Лицо Александра исказилось.

— Что ж, дело твое! Любишь со стариком, коли молодой тебе не мил.

— Вы что-то не то говорите, — торопливо зашептала Настена. Молодой человек наконец отпустил ее. И она отскочила от него и прижалась спиной к стене. Но продолжала говорить быстро, глотая слова: — Вы мне никогда ни словом, ни полусловом не обмолвились, что любя я вам. Вроде забавы вам было со мной за овином тискаться. Вы ж с Федоткой спорили, что я к вам бегать буду. Я после его спытала, а он врать не умеет, во всем мне признался. И попрощаться со мной забыли, потому что я в постелью к вам не легла. Не помните раззе? А как в окно ко мне

пьяным лезли, тоже запомнили? — Она судорожно перевела дыхание, закрыла лицо ладонями и попросила тихо: — Отпустите меня. Зачем я вам? У вас же невеста есть, я знаю.

— И правда, зачем? — Красивое лицо Александра на мгновение стянуло судорогой, отчего рот перекосялся. — Ко мне в постель не захотела, так теперь к старичку под бочок подвалишься. Он тебя ладно тискать станет да синими губами облизывать. Попомнишь меня, да поздно будет! А не веришь, мою *невесту* спроси, кажется, так ты ее назвала? Тоже под богатого старичка легла, а молодые не нужны вам, потому как без гроша в кармане! Шлюхи... — Он грязно выругался.

Настя отняла руки от лица, в глазах ее стояли слезы. Она открыла рот, хотела, видно, что-то возразить, но в это мгновение отворились двери детской и из нее вышла нянька. Она держала за руку маленькую круглолицую девочку с двумя заплетенными на деревенский лад русыми косичками.

— Полюшка! — Молодой человек вмиг забыл о Насте, присел на корточки и протянул руки навстречу девочке. — Здравствуй, маленькая! Узнала меня?

Та испуганно уставилась на него и молча покачала головой. Нянька попыталась подтолкнуть ее в спину, но девочка вцепилась в ее руку, отвернулась от брата и, уткнувшись в нянькин подол лицом, захныкала.

— Ну вот! — сконфузился Александр. — Совсем я для нее чужой!

— Ничего, батюшка, — улыбнулась нянька и погладила девочку по голове, — привыкнет! — И, склонившись к ней, ласково сказала: — Полюшка, голубка, это братец твой, Сашенька! Поддай ему ручку! — Но девочка отчаянно замотала головой и снова захныкала.

— Ладно, оставь ее, — огорченно сказал Александр. — Откуда ей меня помнить? Кроха совсем! Но все равно *здесь* я ее не оставлю! — И, не оглядываясь, направился в глубь коридора к лестнице, которая вела на второй этаж.

ГЛАВА 3

В спальне царил полумрак, потому что свет проникал только сквозь открытую дверь. Не замедляя шага, Александр подошел к окну и рывком раздвинул тяжелые шторы. Целое облако пыли взметнулось в воздух, и он не выдержал, несколько раз чихнул. Но в комнате стало заметно светлее.

Нянька в спальню не прошла. Барон, даже неподвижный, внушал ей чуть ли не священный страх, в былые времена она не смела подойти к нему ближе чем на пару саженой. И когда воспитанник окликнул ее, замахала руками.

— Что ты, что ты, голубчик! Я здесь, на пороге...

— Ну, гляди. — Он не стал настаивать, только спросил: — Почему дом запустили? Сплошное свинство развели!

— Знамо дело, — вздохнула нянька, — некому стало заправлять! Петр — тот больше по делам, с приказчиками на верфи выезжат али на лесосеки, а мамзелька до обеда в постели прохлаждалась да вино пила... — Она махнула рукой, громко высморкалась в большой носовой платок и деловито справилась: — Ждать тебя али сам дорогу найдешь?

— Найду. — Лицо Александра исказила неприятная гримаса. — Закрой дверь, у меня... к нему разговор!

И, не дожидаясь нянькиного ответа, шагнул к высокой и широкой кровати с натянутым над ней балдахином, когда-то розовым, а сейчас серым от многодневной пыли. Удерживали его четыре резных столба, к которым по бокам кровати прибили доски в дюйм толщиной. Вероятно, они должны были убереечь барона от падения, хотя казались столь же бесполезными, как и та палка, поручень, который прикрепили на уровне груди больного. При одном взгляде на человека, которого Александр считал своим отцом и изрядно побаивался, но вместе с тем уважал, он понял, что надежды на выздоровление нет никакой. Перед ним лежал на грязных, в потеках мочи простынях и издавал невыносимое зловоние тот, кто обес-

честил себя и свой титул грязной связью, довел до смерти его мать, осиротил сестру, лишил его самого благосостояния и вверг в нищету.

Александр подошел к кровати и ухватился за доску ограждения.

— Здравствуй, — сказал он негромко, не спуская глаз с отекавшего лица несчастного, — ты меня не ждал, но я приехал. Приехал спросить с тебя сполна, но, на твое счастье, тебя хватил кондрашка. И я очень этому рад!

Больной продолжал лежать неподвижно, на его лице не шевельнулся ни один мускул, лишь кадык дернулся едва заметно и глаза слегка оживились. Родион фон Блазе узнал сына. Но какие чувства он испытывал при этом: радость ли или испуг, это не суждено было узнать никому!

Но сын эти слабые движения отца отметил. Он безрелигиозно скривил губы.

— Вижу, что слышишь меня! Вижу!

Он склонился над кроватью, едва не задохнувшись от жуткой вони. Отца не брили и не следили за его головой. Он лежал обросший бородой и сбитыми в колтун волосами, в грязном белье, со скрещенными на груди руками. Похоже, под ним крайне редко убирали, и Александр подзревал, что пролежни, которые должны непременно появиться при подобном уходе, тоже никто не обрабатывал. Но язвы отца меньше всего волновали сына. Гораздо больше его интересовал другой вопрос.

— Ты мне обещал обвенчаться с матушкой? Почему обманул? Или эта подлая девка тебе весь свет затмила? — процедил он сквозь зубы. — Бог тебя наказал, ты превратился в бревно, которому только и осталось, что гадить под себя. Но я не позволю, чтобы ты продолжал издеваться над людьми. Тебе не место на земле, если ты заставил матушку убить себя. Ты — гадина, холодная, бесчувственная гадина, которая мучила и издевалась над матушкой в угоду потаскухе...

Александр склонился еще ниже и с ненавистью посмотрел прямо в глаза барону. И с удивлением отметил, что в них стоят слезы.

— Плачешь? — воскликнул он с торжеством. — Теперь

плачешь! А что ж смеялся, когда шалаву уложил на матушкино место? И «Эль-Гаруду» профукал! Благодарю бога, что меня тут не было! Я бы тебе показал, как матушку из дома выгонять, как издеваться над ней! — Он резко выпрямился и огляделся по сторонам. — Теперь я понимаю, почему до тебя никому дела нет! Все рады, что барина хватил удар! Обрадовались до безумия и тотчас дорогу к тебе забыли.

Барон вдруг замычал. Лицо его стало пунцовым от натуги, жилы на шее вздулись. Он явно хотел сказать что-то, это видно было по выпученным от напряжения глазам, но сковавшая его тело сила не отпускала, держала крепко.

Александр долю секунды смотрел на отца, затем выдернул из-под его головы подушку и процедил сквозь зубы:

— Собаке собачья смерть! Это тебе за матушку! И за «Эль-Гаруду!» — И накрыл его лицо подушкой. Нажал и держал некоторое время. Затем, не отнимая подушки, столь же хладнокровно взял барона за запястье. Пульс не прощупывался. И тогда он отбросил подушку в сторону, нисколько не заботясь, что та упала на пол. На него смотрели вытаращенные, с красными от прилившей крови белками глаза того, кого он двадцать лет считал своим отцом. Александр закрыл ему веки и вытер пальцы носовым платком. Затем быстрым шагом направился к двери.

Нянька, будто почуяв неладное, никуда не ушла и только вскрикнула испуганно и перекрестилась, когда он открыл двери и сухо сказал:

— Отец скончался! Позови кого-нибудь.

Он заметил, что нянька косит взглядом за его спину. Видно, поняла старая, что не могла подушка сама по себе переместиться из-под головы несчастного на пол. Но она о своих догадках промолчала, а Александр не посчитал нужным оправдываться. Он просто перешагнул порог и быстро пошел в противоположную от няньки сторону, туда, где когда-то находилась его спальня. Только сейчас он понял, как ему хочется спать, не есть, не пить, а именно спать, спать и спать!

Проснулся он от детского плача. В комнате было темно, и Александр, открыв глаза, некоторое время лежал без движения, соображая, где он находится и чей это плач. Наконец вспомнил. Голова, отягощенная изрядным количеством спиртного, которое он выпил в одиночку, не зажигая света и лишь на ощупь отыскивая бутылку, соображала медленно, и все же Александр понял, что проснулся в своей бывшей спальне, а плачет его сестра Полина.

Тогда он спустил ноги с кровати и, не зажигая свечи, направился в одной ночной рубаше и босиком к двери. Коридор был освещен одной свечой, от чего дальний конец его, там, где находилась детская, прятался в темноте. Александр потер лоб: голова просто раскалывалась, но сестра продолжала плакать, и он двинулся дальше. Мягкий ковер заглушал звук шагов, и он отметил для себя, что, пока спал, ковер успели вычистить.

Он миновал одну дверь, другую, третью и, остановившись возле четвертой по счету, прислушался. Плач раздавался из нее. И молодой человек недолго думая толкнул ее и вошел в комнату.

Это действительно оказалась детская, она освещалась слабым огнем лампы у образов. Рядом с маленькой кроваткой стояла на коленях женщина с распущенными по плечам волосами и в длинной простой рубаше из дешевого холста. Она испуганно оглянулась на скрип двери, и Александр узнал ее. Это была Настена. Она вскочила на ноги и прижала руки к вороту сорочки. Руки ее тряслись, когда она зажгла свечу в медном подсвечнике, который стоял на маленьком столике рядом с кроваткой Полины. Зыбкий свет отразился в широко раскрытых глазах девушки. Оба молчали.

— Я думал, Полина одна, — наконец сказал Александр и двинулся по направлению к Настене. Она ойкнула, отступила на шаг назад и наткнулась спиной на стену. — Что с ней? — спросил Александр, не спуская глаз с юной

няньки. Высокую грудь не могли скрыть даже складки широкой рубахи.

Настя была босиком, и ступня у нее оказалась узкой, с высоким подъемом, а щиколотка не по-деревенски изящной. Молодой человек судорожно сглотнул слюну и почувствовал мгновенную сухость во рту и тяжесть в паху.

— Видно, во сне что-то привиделось, — пряча глаза, объяснила торопливо Настя. — Плакала, а сейчас затихла. По маменьке очень скучает, каждую ночь ее зовет.

Александр не ответил и подошел к кровати. Маленькая девочка с круглощеким раскрасневшимся лицом разметалась на постели. Крепкая ножка с крошечными пальчиками выглядывала наружу, и брат накрыл ее одеялом. А после нагнулся и поцеловал сестру в теплую, пахнущую молоком щечку.

Настя осмелела, подошла и встала рядом. От нее тоже пахло кипяченым молоком и какими-то травами. И Александр мгновенно вспомнил: так пахло на сеновале, где они впервые поцеловались. Ему тогда едва исполнилось шестнадцать, Насте — четырнадцать. И грудь у нее была маленькая, умещалась под его ладонью...

Он скосил глаза. В вырезе виднелась ложбинка и верхняя часть груди, а под самой рубахой угадывалось сильное молодое тело. Все это через полмесяца станет собственностью толстого самодовольного приказчика, который даже не поймет, каким богатством овладел.

Александр задрожал от предчувствия близости с желанной женщиной, которая и не подозревала о его тайных мыслях. Он сделал осторожный шаг и коснулся своим бедром бедра Настены. Девушка мгновенно отстранилась. Но он уже потерял голову. Недолго думая схватил Настю за плечи, затем переместил руки на тонкую талию и резко притянул к себе.

— Александр... — вскрикнула было девушка, но он зажал ей рот своими губами, а рукой тискал грудь и теснил Настену, теснил к двери, а после придавил к косяку и распахнул створку свободной рукой. Теперь он освободил Настины губы. Она что-то сердито выговаривала ему полусшепотом, вырывала руку, просила пощадить, но он

ничего не слышал, а тащил ее, упирающуюся и плачущую от отчаяния, по коридору.

В спальне по-прежнему было темно, но ему не требовалось огня. Он втолкнул Настю в комнату, закрыл дверь на задвижку и набросился на нее с той жадностью, с какой голодный зверь бросается на добычу. Он повалил ее на постель и принялся рвать на ней рубаху, рыча и задыхаясь от вожделения.

Настя все еще пыталась сопротивляться, но он ударил ее по лицу, раз-другой, и когда снова приник к Настиным губам, то почувствовал вкус крови. Она теперь лежала молча, лишь застонала, когда он стал мять и покусывать пышную грудь. Он зажимал упругую плоть между пальцев, девушка извивалась от боли и шепотом просила пожалеть ее. Но он знал, что самое главное впереди, и все оттягивал и оттягивал тот воистину сладостный миг, который должен снять с него страшное напряжение и боль в чреслах.

Наконец он почувствовал, что больше не в силах терпеть. Тогда его рука скользнула между девичьих ног. И он засмеялся. Как бы Настя ни показывала, что не желает его, скрыть это было невозможно. Его пальцы ощутили, что она хочет его едва ли не больше, чем он сам. И тогда без предупреждения вошел в нее, резко и сильно. Настя вскрикнула. Ее горячее тело, влажное от пота и его поцелуев, изогнулось. И он задвигался в ней, заботясь скорее о своих ощущениях, чем о чувствах той, что извивалась под ним от боли и глухо при этом стонала. Ее голова металась по подушке, а руки судорожно цеплялись за спинку кровати.

Но эти движения и стоны только сильнее распяляли его. И он, уже не помня себя, не ласкал, а ломал это тело, и чем громче его жертва стонала, тем острее и необычнее были его ощущения. Ему хотелось кусать, рвать зубами упругую влажную плоть, но остатки разума удержали его в последний момент. Грязно выругавшись, он подхватил Настену под ягодицы. Его движения стали еще резче, а толчки сильнее. Наконец, он нанес последний, решающий удар. Девушка закричала, забилась под ним, но силы

уже оставили его, и он растянулся рядом с ней, мокрый от пота, изможденный и расслабленный. Только теперь Александр понял, что сбросил с себя рубашку. И совсем не помнил, где это произошло: то ли в коридоре, то ли в спальне, а может, не приведи господь, в детской?

Настя тоже лежала без движения, но когда он положил ладонь на ее грудь, слегка отодвинулась. Тогда он обнял ее за талию и прошептал:

— Чего, дурочка? Не понравилось?

Но она в ответ заплакала.

Александр рассердился.

— Чего воешь, как по покойнику?

— Дак мне замуж выходить, — разобрал он сквозь ее рыдания, — а вы меня потревожили. Что я теперь скажу Любиму Ерофеевичу?

— О черт! Сама виновата! — рассердился Александр. — Что ж не сказала, что с мужиком ни разу не спала?

— А вы будто слушали? — запричитала девушка. — Вы ж за руку меня уцепили и волокли в спальню, как сучку дворовую. В тот раз не получилось, так теперя взяли свое. — И она разрыдалась, чуть ли не в голос. — Возьмите меня с собой, не хочу я за Любима. Постыл он мне. Старый да жирный! А вы мне любви, с тех самых пор...

— Нет, взять с собой я тебя не могу!

Александр встал с кровати и зажег свечу. Две рубахи, его и изодранная в клочья Настина, валялись на полу. Девушка уже не лежала, а, сжавшись в комок, сидела, натянув на себя одеяло, в углу кровати.

— Чего прячешься? — усмехнулся он и рванул с нее одеяло. Но под ним, оказывается, скрывалось пятно крови — подтверждение тому, что он совершил еще один грех, обесчестив чужую невесту.

Однако Александр не испытал угрызений совести.

— Люб, говоришь? — судорога вновь исказила его лицо. — Что ты знаешь про любовь? Вот она — вся любовь, — кивнул он на пятно. — Любовь и кровь! Не зря они рядом стоят. Одно без другого не бывает. — И засмеялся, закинув голову назад. — Грязно все, паскудно! Кровь-любовь!.. Похоть и разврат — вот что движет миром!

Звуки, казалось, булькали и клокотали в его горле. И Насте почудилось, что он захлебывается. Она протянула руки, пытаясь остановить его, но Александр подумал, что она хочет обнять его, ударил ее по щеке и заорал не своим голосом:

— Не смей! Кто тебе позволил меня обнимать? Грязная тварь! — И снова ударил Настю теперь по другой щеке, затем второй раз, третий... И когда она отпрянула от него, закрыв лицо руками, вырвал из-под нее испачканную простыню, скрутил жгутом и принялся хлестать по голове, плечам, спине...

Настя только охала и вскрикивала жалобно, но кричать в полный голос не решалась, видно, боялась, что он еще сильнее распалится или их возню услышат в доме. Но это избиение привело неожиданно к другим результатам. Александр вновь набросился на Настену. Его уже ничто не сдерживало, и он взял девушку грубо, без всякого снисхождения к ее мольбам и крикам:

— Больно! Барин! Отпустите! Мне больно!

Но вскоре она прекратила кричать, лишь тихо ойкала при каждом толчке, и он наконец затих прямо на ней в полном изнеможении. И, кажется, заснул. Настя некоторое время лежала без движения, затем попробовала осторожно выскользнуть из-под своего мучителя. Но он тотчас напрягся, схватил ее за волосы и намотал их на кулак. За ночь он вновь и вновь, и столь же безжалостно, домогался ее, и уже под утро едва-едва сумел повторить свой подвиг еще раз, удивившись самому себе. Раньше ему хватало одного-двух визитов в неделю в бордель или к известной среди студентов проститутке по кличке Гимназистка, получившей ее по той причине, что любила появляться перед клиентами в черном гимназическом фартуке, надетом прямо на голое тело. Но он отнес свой успех на счет чрезмерного возбуждения и был рад, что хотя и не совсем богоугодным способом, но избавился от него.

— Иди в детскую, — приказал он Насте под утро, стараясь не смотреть ей в глаза, на ее истерзанные, вспух-

шие губы и на безобразные синие пятна, которые проявились у нее на груди и на бедрах. С трудом передвигая ноги и прикрываясь изодранной в клочья рубахой, девушка направилась к двери. Александр бросил ей вслед простыню, на которой прибавилось пятен крови, и велел сжечь ее в печи.

— Так вони ж будет на весь дом! — сказала Настя тихо. — Все тут же сбегутся.

— Так ты вони больше боишься или позора? — спросил он и расхохотался. — А не хочешь жечь, так в подарок жениху оставь. Авось получится подложить, когда он тебя попользует. Только учти, старичок дольше будет канительиться и гораздо реже. Так что не раз меня вспомнишь, — и снова засмеялся.

— Зачем вы? — Настя остановилась на пороге. — Теперь смеетесь! Вы никогда не вернетесь, а мне с позором жить до скончания века.

— А кто тебе сказал, что я сюда не вернусь? — Глаза молодого человека сверкнули яростью. — Я обязательно вернусь. Придет нужный час, и я тут как тут объявлюсь! — Лицо его скривила отвратительная гримаса, и Настя увидела вдруг перед собой не лицо молодого и жадного любовника, а мрачную физиономию старого барина, какой она бывала в тот момент, когда на конюшне секли провинившихся крестьян и лакеев. Глаза Александра точно так же отсвечивали странным огнем, кулаки сжимались и разжимались. И Настя не выдержала — подхватив рубашку и испачканную простыню, она стремглав выскочила из комнаты.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

На столе перед Иваном в заполненной окурками медной пепельнице тлела самокрутка. Это было первейшим признаком того, что старший агент сыскной полиции Вавилов страдает. Замедлив шаг на пороге, Алексей окинул быстрым взглядом кабинет, в котором наряду с шестью агентами ютились они с Иваном. Сейчас те, кто помельче рангом, были в разгоне: выполняли поручения старших коллег, ловили на базаре щипачей, следили за «раками» — портными, что перешивали краденые вещи в трущобах на Разгуляе, или отирались среди голи перекатной на Хлудовке в надежде узнать что-нибудь занятное, для сыскных дел весьма важное: кто из «деловых» осел в городе, не крутятся ли где новые шулерские «мельницы» и не замешаны ли беглые с каторги в нападении на почтовый дилижанс, следовавший из Омска в Североеланск...

Но Иван и Алексей были теперь на особом счету, занимались самыми сложными преступлениями: убийствами, разбоями, грабежами, поджогами, и поэтому уже который день маялись от безделья. Ни тебе громких убийств, ни заезжих шаек, ни доморощенных банд... И кражи тоже все мелкие, скучные, без выдумки: то стянули штуку материи у лавочника, то с ночного извозчика целковый сдернули, то мастерские без повода напильсь и у офени

лоток с товаром отобрали и тут же бросили. Но крику-то было, крику! Офеня горластый попался, весь околоток на уши поставил, пока озорников не доставили в участок и не посадили в холодную.

Алексей неслышно вошел и встал за спиной приятеля. Всю поверхность стола, лежавшие на нем бумаги и даже захватанное множеством рук пресс-папье покрывали пушистые серые хлопья. Иван даже не удосужился сдуть пепел. Это говорило о крайней степени отчаяния, и Алексей тотчас понял его причину. Вавилов составлял очередную сводку для Тартищева о преступлениях, совершенных в губернии в прошлом месяце.

Это было нудное и неблагодарное дело, и друзья сговорились заниматься им по очереди. Правда, Иван всякий раз, как только наступал его черед писать бумаги, находил тысячу причин, чтобы перекинуть их Алексею, порой умолял его, порой ссылаясь на чрезмерную занятость. На сегодняшний день его долг составил три месяца, и Алексей самым безжалостным образом отверг его просьбы и даже вышел из кабинета, чтобы не видеть, как терзается приятель, стараясь свести воедино все происшествия, имевшие место в мае.

Сквозь висевшие над городом дождевые тучи впервые за многие дни проглянуло солнце. И сразу все вокруг засверкало, засияло, засветилось первозданной чистотой и свежестью молодой зелени, первых цветов в скверах и палисадниках, нетронутой травки на лужайках... Улицы запестрели летними нарядами дам, а сердца даже самых упрямых холостяков учащенно трепыхались и сбивались с ритма при виде нежных личиков местных барышень, число которых на улицах Североеланска увеличивалось с каждой весной чуть ли ни в геометрической прогрессии.

Совсем недавно отцвели черемуха и дикая яблоня, но на смену им пришли сирень и рябина. Воздух был насыщен горьковато-терпкими запахами зелени, влажной земли и... аммиака. Неподалеку находилась стоянка извозчиков, но это обстоятельство отнюдь не испортило

Алексею настроения. За четыре года службы в полиции Алексей научился определять, что в жизни важнее: извозчик под рукой или более приятные ароматы. А со временем и вовсе перестал обращать внимание на подобные мелочи.

Он спустился в скверик напротив здания полицейского управления, постелил на непросохшую скамейку газету и уселся на нее, подставив лицо теплому ветерку. По дорожкам сквера сновала детвора, те, что попроще и победнее, играли в стуколку или в бабки, девочки прыгали через скакалку и в классики. Те, что богаче, степенно шествовали в сопровождении гувернанток и учительниц, но с сожалением косились в сторону своих сверстников, не обремененных условностями и воспитанием.

Напротив скверика, на втором этаже управления виднелось окно, за которым исходил потом над полицейской сводкой старший агент Вавилов, а его напарник Алексей Поляков в это время наслаждался редкими минутами свободы. Начальство соизволило отбыть в кратковременный отпуск, другими словами, Тартищев внял наконец просьбам Анастасии Васильевны и повез ее вместе с маленьким Сережей и нянькой на заимку. Алексей знал, три дня пролетят незаметно. Федор Михайлович вернется и свое возьмет с лихвой. Вспомнит он и про те дела, которые еще с осени отнесены в разряд «темных», и про те, по которым преступники хотя и определены, но до сих пор не пойманы... И неизвестно, когда еще получится побездельничать, как сегодня, посидеть под солнышком, понежиться под его лучами, ни о чем серьезном не думая и не беспокоясь по поводу грядущего разноса от начальства.

И все было бы хорошо, если бы Алексея не мучила совесть. Он знал, что Вавилов почти не спал ночью. У его младшего резались зубки, малыш капризничал, и Иван, позволив отдохнуть Маше, до утра возился с сынишкой. А после явился на службу усталый, невыспавшийся и злой, как тысяча чертей.

Алексей снова посмотрел на окно, оттуда валили сизые клубы дыма. И это однозначно подтверждало: Иван снова засмолил свою самокрутку. И тогда старший агент сыскальной полиции Поляков встал со скамейки и покинул скверик.

Иван сидел все в той же позе, в которой Алексей оставил его час назад. Перед ним лежала стопка чистых листов бумаги, правда, на первом из них уже красовался заголовок, и вся страница была испещрена мелким убористым почерком. Грамоты Ивану доставало, зато почерк у него был замечательный, буковка к буковке, словно бусы на тонкой девичьей шейке. Однако сейчас он занимался тем, что меланхолично следил за мухой, явно побывавшей в чернильнице. Она едва ползала по бумаге, оставляя на ней черные извилистые полосы. Иван, подперев щеку ладонью, с самым глубокомысленным видом наблюдал, как важный документ превращается в форменное безобразия, затем вздохнул, поддел муху пером и вернул в чернильницу. Через секунду опять извлек на свет божий, подержал на весу, давая стечь избытку чернил, и вновь отправил ее в путешествие по испорченной сводке.

— Маешься? — спросил вкрадчиво Алексей и положил руку на плечо товарища. — Казенное добро переводишь?

Иван дернул плечом, но не обернулся. Показывал, что до сих пор обижается. Но Алексей на это не поддался. Он понимал: если сейчас пойти на поводу у своего слишком ловкого приятеля, то сводки ему писать до морковкиных заговен. Иван найдет способ, как переложить эти обязанности на молодые плечи, на те, что поближе. Разумеется, это будут его, Алексея, плечи, а Вавилов не испытает при этом ни малейших угрызений совести.

— На чем застрял? — справился он деловито и выдернул бумагу из-под руки Ивана. Отправил щелчком в мусорную корзину многострадальную муху и прочитал вслух то, что успел изобразить приятель во время двухчасового корпения за столом: — *Донесение Его Превосходи-*

тельству, Господину Полицейскому исправнику Североеланской губернии, Батьянову Аристарху Ивановичу с приложением полицейской сводки происшествий, имевших место быть в Североеланской губернии в мае месяце 1892 года от Рождества Христова.

1. 2 мая сего года на горе вблизи села Киреево Тесинского уезда с крестьянином Костомаровым повстречались восемь человек, ехавшие в повозке, с ящиком в солдатской форме. Остановили Костомарова: «Что, самогонку везешь?» Тот ответил, что нет. Тогда неизвестные злоумышленники начали обыскивать телегу Костомарова и его карманы, из которых взяли портмоне с 9 рублями денег и из телеги два фун. сахара и полтора фун. табака, ударили его два раза с приговором «сволочь» и спокойно направились к Тесинску. Через два часа были задержаны урядником Зайцевым и опознаны крестьянином Костомаровым. Помещены в холодную, ведется дознание, так как есть подозрение, что сия шайка совершила несколько налетов на крестьянские обозы в соседней, Емельяновской волости.

2. В ночь на 5 мая сего года было совершено неизвестными злоумышленниками разбойное нападение на лавочника Ситничука, проживавшего по Береговой Качинской улице в доме № 12.

Раненый Ситничук, промаявшись несколько дней и не приходя в сознание, скончался. Но еще до его смерти, по точно установленным данным, были арестованы два главных участника разбойного нападения — Мишка Кривой (Михаил Пустоселов) и Николай Юсупов. Оба они известные преступники-рецидивисты с богатым прошлым, каждый по четыре раза был осужден уголовным судом за крупные кражи. Отбывали наказание в арестантских ротах, но по выходе на свободу снова включились в преступный промысел.

При задержании Пустоселова отличился околоточный третьего околотка Колобов, городовой полицейской стражи Захаров, Петров и дворник Агеев. Возглавил задержание агент управления сыскной полиции Корнеев.

Когда полицейские вместе с понятыми явились в кварти-

ру Пустоселова, проживавшего за Качей по Подгорной улице в доме Громова, то нашли лишь его сожительницу Федосью Тарущенко, костюм преступника да его сапоги. И только после более тщательного обыска агент Корнеев обнаружил Пустоселова, спрятавшегося за русской печкой.

Другой участник разбойного нападения, Юсупов, был арестован в Николаевской слободе. «Жаль, что сплеховал, а то бы не дался просто так!» — заявил он полиции, нашедшей у него при обыске револьвер и десять пуль к нему. Оба задержанных злоумышленника категорически опознаны женой умершего Ситничука и другими лицами и в данное время находятся в старом своем жилище — Североеланском остроге. Есть подозрение, что Пустоселов и Юсупов были причастны к ограблению дома барона фон Миллера зимой сего года.

Дело это отнесено в разряд «темных», так как преступление совершено в отсутствие хозяев в промежутке времени с января по март, то есть когда семейство Миллера и он сам находились на водах в Австрии. Есть свидетели, которые заметили человека, похожего на Юсупова, вблизи усадьбы Миллера в означенное время. Ведется тщательное расследование...

По-моему, слишком много лирики, — сказал Алексей, приступая к чтению второго, не изгаженного мухой листа.

Иван на его замечание неопределенно хмыкнул и принялся разглядывать свои пальцы, изрядно испачканные в чернилах.

— Впрочем, Батьянов любит, чтобы излагали подробно, — добавил Алексей на всякий случай, чтобы у Вавилова не появилось желания передать сводку тому, кто уже поднаторел в составлении подобных документов. И продолжал читать вслух: — *3. 12 мая сего года по дороге из станицы Калымской вблизи хутора на второй версте от Рузинского завода на проезжавшего по своим торговым делам казака Кубенина напали двое выскочивших из тайги неизвестных и при участии ехавшего с Кубениным провожатого Козлова нанесли ему две раны в голову гирькой и ограбили его. После*

этого злоумышленники, сев в подъехавшую к ним из тайги подводу, скрылись неизвестно куда. О происшедшем производится дознание, и двое из злоумышленников уже задержаны.

4. 16 мая сего года у мещанина города Кадинска Алексея Ильина украдена из ограды лошадь — кобылица карей масти, оба уха пороты, хвост острижен. Уездным приставом Лалетиным приняты самые энергичные меры к розыску вышеупомянутой лошади. На следующий день, утром, воры были задержаны в с. Михино и помещены в арестантскую. Ведется дознание.

5. 20 мая в лавку купца Калугина, проживающего по Садовому переулку в Североеланске, в собственном доме, ворвались четверо вооруженных револьверами неизвестных людей и произвели грабеж, взяв около 120 рублей деньгами и на неизвестную еще сумму разных вещей. В настоящее время двое грабителей задержаны, опознаны потерпевшим и находятся в арестантской камере уголовного сыска. Часть похищенных вещей отобрана.

6. 21 мая сего года прачка Белянина, похитившая разного имущества на 200 рублей, арестована и переведена в тюрьму.

7. 22 мая взяты с поличным преступники Моисей Кошкин и Евдоким Карпеев, которые пытались ограбить австрийского подданного Вайса. При попытке к бегству злоумышленник Карпеев убит агентом сыскальной полиции Гвоздевым. Кошкин был помещен в арестантскую, где дал признательные показания...

Зачем сводку испортил? — поинтересовался Алексей, отложив в сторону прочитанные бумаги. — Полдня сидишь, а результатов — ноль.

— Сил нет подобную чепуху писать! — произнес с досадой Иван и отодвинул от себя стопку бумаг. — Ни одного стоящего преступления. Все очевидные, ничего интересного. По краже у Миллера много непонятного! Но Юсупов, думаю, рано или поздно расколется. За него сам Федор Михайлович взялся! — Он снизу вверх посмотрел на Алексея. — Но, смотри, уже три месяца по

всякой ерунде работаем. Хоть бы шайка какая стоящая появилась, чтобы кровь разогнать, а?

— Типун тебе на язык! — засмеялся Алексей. — Хочешь по жаре с высунутым жалом бегать?

— Да лучше бегать, чем в кабинете от духоты погибаться, — вздохнул Иван и тоскливо посмотрел на сводку. — Этой дряни вздумалось в чернильницу свалиться. Я думал, она утопла, пером поддел, а она, глянь, извернулась и прямо на бумаги. Придется переделывать, глаза б мои на эту сводку не глядели. — И весьма красноречиво уставился на Алексея.

— Видишь, наш Егор¹ опять отличился, — сказал Алексей, словно не замечая умоляющего взгляда приятеля. Он взял в руки сводку и прочитал: — ... *Через два часа задержаны урядником Зайцевым и опознаны крестьянином Костомаровым.* — И улыбнулся. — Я уж думал, он в отставку подался, нет, смотрю, жив курилка! Служит!

— Да уж, Егору в руки только попадись! — сказал мрачно Иван и достал из кармана кисет. — Ты взгляни, какие бумаги от уездного пристава пришли! Премиию Зайцеву испрашивают и медаль. Его ведь, оказывается, чуть не убили по осени, а мы даже не знали.

— Что ты говоришь? — Алексей покачал головой. — Это кто ж таким ловким оказался?

— А ты почитай, почитай!

Алексей взял лист бумаги с гербовой печатью. Это был рапорт станового пристава Быкова по поводу «выдающегося отличия урядника первого участка, четвертого стана, Базинской волости, Тесинского уезда Зайцева Егора».

Довожу до Вашего сведения, — обращался к начальнику полиции пристав, — что, 22-го числа октября месяца 1891 года полицейский урядник Зайцев, узнав об уходе с постоянного двора лошади казака Кириченко, отправился преследо-

¹ Речь идет об одном из героев романа «Талисман Белой Волчицы» уряднике Егоре Зайцеве.

вать вора, которого и настиг на выезде из села Макарьева. Вор ехал верхом на украденной лошади. Когда, вопреки приказу, он не захотел покинуть седло, урядник, спешившись сам и стащив вора на землю, повел его и лошадь обратно в село, держа ее в поводу. Изловчившись, вор ударил кнутом лошадь и, когда та, бросившись в сторону, потянула за собой урядника, внезапно нанес ему удар в бок острым шилом, которое хранил в голенище сапога. Урядник Зайцев схватил вора одной рукой за горло, а другой — за кисть с шилом, свалил его на землю и стал кричать, призывая мощь.

В это время вор, оказавшись довольно сильным, вырвал руку с шилом и нанес еще две раны уряднику — в шею и в руку. Зайцев не смог больше удерживать его, и тот скрылся...

— Да, — покачал головой Алексей, — что-то оплошал наш Егор, не проверил этого мерзавца на оружие. И почему-то Ермашки рядом не оказалось, они же друг без друга куда?

Иван пожал плечами.

— Макарьево, между прочим, не Егоров участок. Оно верстах в двадцати от Тесинска, но там урядник заболел, вот и пришлось Зайцеву два участка обслуживать.

— Все понятно, — сказал Алексей и снова взялся за рапорт.

Собрав последние силы, — читал он, — урядник Зайцев в изодранной одежде, истекающий кровью добрался до первого жилья, откуда и был перевезен для подания медицинского пособия в земскую больницу. Уведенная у Кириченко лошадь поймана и возвращена по принадлежности. После принятых затем розысков другим урядником Вепревым и сотником Савеловым задержан 27-го числа октября месяца того же года в селе Сорокине на базаре и вор с паспортом на имя мещанина Якова Лыкова.

Смею ходатайствовать, Ваше Высокоблагородие, об удостоивании урядника Зайцева через Кавалерскую Думу серебряной медалью «За усердие» на Анненской ленте с выдачей денежного пособия в пятьдесят рублей, а также еди-

новременного вознаграждения в сто рублей, за проявленную храбрость при задержании опасного злоумышленника. Подобные поступки совершались урядником Зайцевым неоднократно и заслуживают исключительного по последнему поводу поощрения...

— Молодец! — улыбнулся Алексей. — Тартищев наверняка это представление подпишет.

— А я что говорю, — сказал печально Иван, — только бумаги на поощрение тоже надо успеть просмотреть, может, какая не по форме составлена, и сводку придется переписывать... — Он тяжело вздохнул. — Вот жизнь пошла, горше некуда. Жалованья на двадцать рублей больше, а работы — на двести. Почему было не передать сводки письмоводителю? А то превратили нас в писарчуков! Больше пишем, чем живым делом занимаемся.

— Ничего, напишешь, — похлопал его по плечу Алексей, — еще два дня до возвращения Федора Михайловича. Поспеешь! А бумаги письмоводителю все равно не отдадут, потому что он к секретам не допущен, а сводки, сам знаешь, разглашению не подлежат.

Иван не ответил. Длинными ловкими пальцами он неторопливо и тщательно сворачивал самокрутку. Лизнул край листа, расправил влажный шов и закрутил один конец, затем прикурил, поднялся со стула и подошел к окну.

Алексей, засунув руки в карманы брюк, покачивался с пятки на носок и наблюдал за приятелем.

— У тебя такой вид, словно сам в чернильницу попал.

Иван обвел его хмурым взглядом, но ответить не успел, потому что открылась дверь и в кабинет ввалился старший агент Савелий Корнеев.

Он был не по обычаю мрачен и, не поздоровавшись, прошел в глубь кабинета и буквально обрушился на стул.

Иван и Алексей с любопытством наблюдали, как он ерзает по сиденью, словно под ним находилась не казенная клеенка, а дюжина верблюжьих колючек.

— Ну, дьявол! — выругался он наконец и потянулся к

графину с водой. Выпил подряд два стакана и откинулся расслабленно на спинку стула, вытянув ноги и сцепив руки на затылке.

— Умаялся, сердешный? — язвительно справился Иван. — Видно, насмарку поработал?

Корнеев окинул его недружелюбным взглядом.

— Тебе все шуточки, Иван, а от меня сегодня такой лосина ушел. Первый раз его в городе встретил, и сдается мне, на наше горе он здесь появился.

— Чем же он тебе не показался?

— Показать-то показался, да что толку! Выглядит как крепкий купчина, рослый, бородатый, кулаки не меньше, чем твоя голова, Ваня. При нем два мужика помоложе, может, сыновья, а то приказчики. Следуют за ним не впритирку, а чуть сзади и по бокам, точно охрана какая. Я сначала внимания на них не обратил, мало ли купчин по базару слоняется. Я за шайкой Наумки-дисконтера¹ наблюдал. Мало ему, жидовской морде, того, что деньги в рост дает, решил вспомнить молодость, собрал возле себя ораву босоты малолетней, обучил щипаческому делу, и теперь от них нигде нет спасения, ни на базаре, ни на постоянных дворах. А Наумка опять же свой гешефт каждый день имеет, и весьма приличный. И подхода к нему нет, потому как добычу свою щипачи, сам знаешь, тут же «свинкам» сбрасывают. — Корнеев вздохнул, снова налил в стакан воды и залпом выпил. — А купчину этого я еще третьего дня заметил, удивило меня то, что он как бы без дела слоняется. По сторонам головой вертит, возле телег крутится, в шинок заходит, но тут же выходит. Ничего не покупает и даже не приценивается.

— Похоже, ищет кого-то или приглядывается? — спросил Иван.

— Вот-вот, это самое и мне в голову пришло. С виду вроде приличный мужик, но глаза, глаза... — Корнеев покрутил удрученно головой. — Глаза у него, как у Васьки

¹ Человек, дающий деньги в рост под залог имущества.

Рябого, помнишь, который семью часовщика вырезал в Каинске? Вприщур и бегают...

— Выходит, ты про Наумку забыл и к этому купчине приклеился? — поинтересовался Алексей. — И что же ты выходил?

— Тут мне повезло! Наумкины босяки решили его затырить. Приклеились к нему в толпе, и так и этак прижимаются, толкают, затирают с трех сторон. А купец, вижу, сразу их усек, перемигнулся со своими и чешет себе как ни в чем не бывало. И все же смотрю, у одного босяка в руке «соловей» на цепочке¹ блеснул и в рукаве исчез. Я только Черненко знак подал, что взяли купца, а тот сам уже хватъ эту рвань за ухо и приподнял, да так, что босота эта заверещал, словно крыса под сапогом. Тут его помощники подскочили, и тех двоих, что затыривать помогали, тоже ухватили. Я Черненко отмашку сделал, дескать, глядим, что дальше будет. Куча зевак тотчас на визги сбежалась, но купчина и его подручные в шею всех растолкали, а босяков в пролетку загрузили, сами следом и направились, как понимаете, не в полицию, а к Наумке на блатхату. Я Черненко на базаре оставил, извозчика поймал и следом за ними. Оттуда и узнал, что они прямоком к Наумке поехали. Расплатились с извозчиком чинчинарем, щипачей поперед себя подталкивают, прошли в дом, причем солидно, как хозяева, головами по сторонам не крутили. Я после того два часа в кустах отсидел, караулил, но они зашли и как в воду канули. Наконец я не выдержал, нашел дворника дома, где наш жидок проживает, и велел Наумку навестить, квасу попить. Через полчаса дворник вернулся и доложил, что, окромя Наумки со свежим фингалом под глазом, его сожительницы Евдокии Пермитиной да совместно прижитой малолетней дочери Варвары, в доме никого не оказалось — ни босяков, ни купчины с его парнями. — Корнеев посмотрел на Ивана, затем перевел взгляд на Алексея. В глазах его была явная

¹ Золотые часы (*жарг.*).

растерянность. — Я что думаю, купчину Наумкина шобла пришить не могла, не те у них силы, но как купец со своими помощничками сумел от меня улизнуть, просто ума не приложу! Я ведь с окон и дверей глаз не спускал. А у черного хода дворник крутился. Я его еще раньше предупредил, чтобы посторожил.

— Понятно, — протянул глубокомысленно Иван, — купчина твой явно не промах. Но зачем ему Наумка? Или решил его за мошну потрясти? Но у дисконтера в клиентах деловые значатся, а твой купчина, судя по всему, мужик с понятиями и не стал бы связываться. Весь город знает о Наумкиных покровителях. Впрочем, теперь можно только гадать по поводу его интересов. Жаль, что ты купца упустил!

— Это еще не все. — Корнеев посмотрел на них и вовсе печально. — Вернулся я на рынок, обсказал Черненко все, как положено, велел, чтоб тотчас доложил, если этот купчина снова появится, а сам напрямиком в управление. Только вышел на Миллионную, смотрю, один из людей купца объявился и на углу возле Почтамта болтается. Рослый такой, в поддевке, в юфтевых сапогах и плисовых штанах. На голове картуз с лаковым козырьком. Я его по одежке узнал, а лица не разглядел под картузом, слишком низко он его надвинул. Я тут же зашел в табачную лавку, купил дюжину папирос, выхожу на улицу, парнина толкается среди извозчиков на стоянке. Я — в трактир, выпил квасу, вышел оттуда, смотрю, он разглядывает напротив витрину галантерейной лавки. Я — в гостиницу «Кандат», спросил портье, не поселился ли у него человек, похожий на моего купчину, нет, говорит, никого похожего не было. Оглянулся, парнина маячит у входа... Словом, пришлось изобразить, что я живу в гостинице, а после уходить дворами.

— Значит, тебя засекли, — сказал Иван и принялся скручивать уже третью за день самокрутку. — Где-то прокололся! Но что-то слишком уж откровенно они тебя

пасли! Хотели показать, что не боятся, или решили попугать?

— Это зависит от того, за кого они Савелия приняли! — сказал Алексей. — Если за полицейского, то такая наглость просто вызывающая, если за себе подобного, то вряд ли стали бы церемониться. Надавали бы по шее или пришили в первом же глухом переулке.

— А по мне, Корнеюшка, — сказал Иван ласково и пыхнул несколько раз самокруткой, выпустив в окно клубы черного, как из паровой топки, дыма, — у тебя голова помутилась от грядущих неприятностей. Через два дня Михалыч появится, а вы с Черненко никак Наумку и его шаромыжников на нары не законопатите. Оборзели они, просто спасу нет, а вы все миндальничаете, вокруг да около ходите. Видно, мужик этот, купец, шустрее тебя оказался и по-своему с Наумкой разобрался. Иначе откуда у жидка фингал нарисовался?

— Так то и Дунька могла запузырить, — вздохнул Корнеев и с тоской посмотрел на Ивана, — она баба заводная.

— Дунька не Дунька, но тебе мой совет, Корнеюшка, дуй-ка ты на базар и забудь про купчину! — Глаза Ивана блеснули. — Я тебе по секрету скажу: Михалыч перед отъездом приказ подписал, дескать, кто из агентов карманника или еще какого жулика в холодную определит, то ему половина от того барыша, что вор поимел, в награду переходит, да вдобавок еще десятая доля — премия, так сказать!

— Врешь? — Лицо Корнеева оживилось. — Опять про вести хочешь?

— А это твое дело, — Иван пожал плечами и смерил его равнодушным взглядом, — хочешь, верь, а хочешь, не верь! Мы вот с Алешкой тоже решили после обеда на базаре попасться. Лишние финажки кому помешают?

Корнеев натянул картуз на голову, встал со стула и сказал:

— И впрямь дело говоришь, Иван! Засиделся я тут с вами! — И, кивнув на прощание, вышел из кабинета.

— Что ты ему опять нагородил? — сказал Алексей с досадой. — Какой приказ? Какая премия? Добьешься, что Федор Михайлович вздует тебя за твои шуточки!

— Какие шуточки? — напыжился Иван. — Я за дело болею. Ни Черненко, ни Корнеев за неделю ни одного босяка не поймали. Обленились, как коты монастырские, мышей не ловят. Вот их-то Михалыч как раз и вздует, когда сводку увидит!

— Боюсь, что сводки он как раз не увидит, — сказал Алексей и обреченно предложил Вавилу: — Давай помогу, все равно ведь не мытьем, так катаньем своего добьешься!

Иван покачал головой.

— Премного благодарен, только сейчас не до сводки будет. Гляди, кто к нам пожаловал. Наверняка что-то необычное случилось, если Карп Лукич самолично в полицию прикатил.

Алексей выглянул в окно. Внизу у крыльца управления переминался с ноги на ногу плотный широкоплечий человек с заметным брюшком и с красной, изрядно вспотевшей лысиной, которую он то и дело вытирал носовым платком. Одет он был по-европейски, но в лакированных сапогах, а в руках держал котелок и тяжелую трость черного дерева. Алексей тотчас узнал его. Это был известный в городе спиртозаводчик Полиндеев, по многим причинам полицию не любивший. Поэтому Иван правильно заключил, что только из ряда вон выходящее событие могло привести Карпа Лукича в здание, с которым у него был связан целый ряд грустных воспоминаний.

Иван свесился в окно и весело прокричал:

— Неужто в гости, Карп Лукич?

Полиндеев вскинул голову и с испугом посмотрел на Вавилова, но, видимо, узнал, потому что развел руками и глухо ответил:

— Все пути господни! Коли бы не нужда...

— Что ж, поднимайтесь на второй этаж и сказывайте, что за нужда такая объявилась, — приказал Иван уже

более строгим голосом и посмотрел на Алексея. — Будь ласков, встретить его на лестнице, а то дежурный докопается, куда да зачем...

Алексей кивнул и молча вышел, а Иван прошел за стол, аккуратно разложил бумаги, поправил пресс-папье, переставил чернильницу на ее исконное место, пригладил волосы и усы, натянул форменную фуражку и с самым важным видом стал ожидать появления неожиданного визитера.

ГЛАВА 2

При близком рассмотрении Карп Лукич Полиндеев был выше ростом и гораздо тучнее, чем казался из окна второго этажа. Он тяжело отдувался после подъема по лестнице. Его жесткие усы топорщились, а лицо выражало крайнюю степень испуга и растерянности. Ему было прилично за пятьдесят, но двойной подбородок, виски в густой проседи и обширная лысина делали его еще старше. Руки его неприкрыто тряслись, и поначалу спиртозаводчик даже не понял, что ему говорит Иван. И только после третьего приглашения он наконец осознал, что ему предлагают присесть на стул, придвинутый Алексеем с этой целью к столу, за которым важно восседал Вавилов.

— Нуте-с! — произнес строго Иван. — Какие скорбные дела привели вас в полицию, Карп Лукич? Рассказывайте! Сегодня я замещаю господина Тартищева, и мне решать, насколько ваш вопрос интересен для уголовного сыска.

Спиртозаводчик не ответил, лишь с обреченным видом посмотрел на Вавилова, затем перевел взгляд на Алексея и следом опять на Ивана.

— При Алексее Дмитриче можно говорить все, что угодно. Он старший агент сысчного отделения, один из лучших сыщиков, так что если ваше дело и впрямь очень серьезно, то скорее всего он будет им заниматься, — ска-

зал Иван, словно не замечая весьма красноречивого взгляда «одного из лучших сыщиков».

Спиртозаводчик тяжело вздохнул, вытер вспотевший лоб платком и заговорил с явным надрывом в голосе и с безмерно тоскливым выражением в заплывших жиром глазках.

— Мы будем первой гильдии купцом, Карпом Лукичом Полиндеевым, — важно сообщил он, обращаясь теперь уже к Алексею, — владеем своим домом в Североеланске, бакалейной торговлей и винокуренным заводом в двенадцати верстах от города. — Он болезненно скривился и махнул рукой. — Впрочем, это не имеет теперь никакого значения. Перед вами, господа начальники, не человек, а живой пока труп.

— Труп? С чего бы это? — переглянулись в удивлении Алексей и Вавилов. Полиндеев походил на кого угодно, только не на человека, готового отдать богу душу.

— Очень даже просто, господа! — Губы купца затряслись, он прикрыл глаза скомканным платком и глухо произнес: — Какой я живой человек, если завтра лютую смерть приму!

Иван тотчас подобрался, бросил быстрый взгляд на Алексея. Но тот был весь внимание и приказал визитеру:

— Говорите яснее! Вам кто-то угрожает, или вы запутались в делах и решили покончить счеты с жизнью?

— Что вы! Что вы! — Спиртозаводчик покрутил головой. Его лицо от напряжения налилось кровью, и он растегнул верхнюю пуговицу рубашки. — В какой грех вы меня ввергаете! Я не самоубийца, дела у меня с каждым годом идут все лучше и лучше, семья тоже крепкая, супруга и две дочери. Нет, здесь другое! Я вам все как на духу расскажу. За тем и шел. Одна на вас надежда, оградите меня от напасти. Не оставьте своей помощью! — Он вдруг сложил молитвенно руки, глаза и лицо его покраснели, и купец принялся рассказывать о том, что вынудило его обратиться в полицейское управление.

«И надо же было так случиться, чтобы Иван оказался в

тот самый момент возле окна...» — думал Алексей, глядя на перепуганную физиономию купца и слушая его дрожащий от страха голос.

— Вчера-с я, как и каждый день, запер в девятом часу лавку, отпустил приказчиков, подсчитал выручку, приказал сторожу закрыть окна и двери изнутри и направился в контору. Там я переговорил с моим новым управляющим завода, он привез для торговли партию водки и красного вина. С ним я задержался до десяти часов вечера, затем оба спустились в трактир, выпили по чарке, поужинали. Потом я направился домой, а управляющий обратно на завод. Обычно он у нас ужинает, но вчера у него были срочные дела, поэтому мы разъехались. У нас собственный выезд, да и живем мы в двух кварталах от конторы, так что через четверть часа я уже сидел с моей супругой Катериной Савельевной в гостиной за самоваром и пил чай. Выпили мы с ней стаканчика по три, с вареньем, с пирогами, и мне что-то неважно стало. И понять не могу: почему? Вроде не болит ничего, а дурно, просто спасу нет! Катерина Савельевна женщина умная, четыре класса образования имеет, сразу заметила, что нам не до разговору, а до чаю тем более! «Карпуша, голубчик, — говорит, — дай подолью тебе свеженького». А я ей: «Нет, Катенька, что-то не пьется сегодня. Не по себе как-то: сердце ноет, и под ложечкой сосет». — «Это ты крошки перекушал за обедом», — отвечает она. «Нет, крошки я съел в пливпорции. Не в ней дело. Душа у меня ноет, свербит прямо. Кабы беды не случилось». — «Типун тебе на язык, Карпуша!» — Супруга даже сплюнула, так рассердилась. А тут вдруг звонок на двери — звяк, звяк! Мы с ней переглянулись. Господи, кого это несет в такую пору? Свои все дома, значит, чужие? А по ночам в гости только злые вести являются! Тут входит в столовую кухарка и подает письмо. «Откудова?» — спрашиваем. «Да какой-то малец занес, — отвечает, — сунул в руку и был таков». Чудно нам это показалось. По коммерции своей я часто письма получаю, но утром и по почте, а это — на

ночь глядя, и без марки к тому же. Забилося у меня сердце, ищу очки — найти не могу, а они рядом на столе лежат. Катерина Савельевна говорит: «Давай, Карпуша, я распечатаю и прочту. Глаза у меня помоложе». И правда, ей еще и тридцати пяти нет. «Сделай одолжение, — говорю, — а то мне как-то боязно!» Катерина Савельевна раскрыла конверт, вытащила письмо, развернула да как закричит: «Господи-святы! С нами крестная сила!» И листок отбросила, а сама побелела, слова сказать не может и только крестится, крестится... Я всполошился, сердце в груди трепещет, весь потом покрылся. «Что с тобой, душенька? — спрашиваю. — Отчего переполох?» А у самого руки трясутся, хотел воды испить и чуть стакан не разбил. «Смотри, Карпуша, — говорит мне Катерина Савельевна и пальцем в бумагу тычет. — Смотри, а то я со страху помру!» Я поглядел и тоже обмер. Свят! Свят! Свят! Страсти какие! На листочке слова написаны. А внизу-то, внизу... — Полиндеев побледнел, перекрестился и шепотом произнес: — Внизу листочка пририсован страшный шкилет, тут же черный гроб и три свечи... — Он полез трясущейся рукой в карман сюртука и извлек из него помятый, сложенный вчетверо лист бумаги. — Да вот, извольте сами просмотреть! — и протянул письмо Ивану.

Тот пробежал его глазами и передал Алексею.

— Прочитай вслух!

Строчки шли вкривь и вкось, словно писавший был пьяным или пребывал в сильном испуге. Но он явно был грамотным человеком и дружил не только с «ятями», но и с «ерами»¹. Алексей тотчас высказал по этому поводу свои соображения и зачитал письмо:

— *Приказываю Вам послезавтра, т. е. 7 июня сего года, принести запечатанный конверт с тысячью рублями в лес к озеру Рыжее, не позднее восьми часов вечера, к завалившемуся пню, что находится в пятидесяти шагах на запад от*

¹ Буквы, упраздненные большевиками после революции.

старой купальни. В случае неисполнения этого приказа будете преданы лютой смерти.

Грозный атаман лихой шайки — Черный Ворон.

— М-да! — сказал Иван и принялся за новую самокрутку. Покончив со столь полезным занятием, он пристально посмотрел на Полиндеева. — Продолжайте, Карп Лукич! Продолжайте!

— А что продолжать? — опешил купец. — Вот оно письмо! Теперь хватайте, ловите подлеца! — Он бросил беглый взгляд на Алексея. Но вид у того был абсолютно непроницаемый.

— Я хочу узнать, Карп Лукич, о том, чем вы занимались начиная с момента, когда получили это письмо, насколько я понимаю, вчера поздно вечером, и до сегодняшнего дня, вернее, до двух часов пополудни, когда вы изволили появиться в управлении полиции. Вы не пришли рано утром, почему? Какие у вас были соображения? И какие действия вы намерены предпринять? — Иван затянулся самокруткой и выпустил изо рта струю дыма, которая повисла над его головой в форме сизого ореола.

Купец насупился.

— Если б знал какие, то сюда бы ни ногой, господа начальники! — И с гораздо меньшей охотой стал рассказывать дальше: — Стали мы тут с Катериной Савельевной препираться, кому письмо читать. У нее глаза острее, а мои даже с очками перестали видеть. Я о том ей говорю, а она на меня взбеленилась: «Ты, — кричит, — хозяин и мужского пола, ты и читай!» Спорили мы так с полчаса, и, концы к концам, кликнул я Веру — это, стало быть, старшую дочку мою. Она у нас поболее матушки образованна, в прошлом годе гимназию закончила, да только не в меру горда. Ну ладно! «Верочка, — прошу я дочь, — голубушка, прочти-ка нам это письмецо и объясни все по порядку, что происходит. Может, мы рехнулись враз вместе с маменькой?» Дочка взяла листок, громко прочитала все, что там нацарапано, покачала головой и говорит мудрено так и вовсе непонятно: «Папенька, — гово-

рит, — вы стали обедком этого, как его... еско... тьфу! еспроприятера!..» Я обомлел. В первый раз такое слышу. «Объясни, — прошу, — Верочка, только по-простому. Каким таким обедком я стал? Мы, слава богу, жизнь прожили — и не то что обедками никогда не бывали, а люди еще от нас кормились». Признаюсь, я даже закричал на нее сгоряча: «Ах ты, дурища!» — так мне обидно стало за это глупое слово. Вера пожала плечами, фыркнула и ушла, а на пороге уже сказала: «Какой вы, папаша, необразованный, совсем ничего не понимаете!» Тут я и вовсе не сдержался. Сопливая еще девчонка поучать меня вздумала. И выговорил ей вслед в сердцах: «Я хошь и необразованный, а вас с Наденькой — это моя вторая дочь, младшая — вырастил, выкормил, наукам обучил, а ты теперь родителю помочь не хочешь в смертельных опасностях!»

Полиндеев огорченно развел руками.

— Да что с них возьмешь, с детей-то? Они наши денежки уважают, а нас самих терпят только до поры до времени...

Купец вздохнул и вытер платком лысину, которая покрылась крупными каплями пота. Расстегнув сюртук, под которым оказался бархатный жилет с выглядывавшей из кармана массивной золотой цепочкой, он снова стал рассказывать:

— Повертел я мозгами так и эдак, подумал и решился отнести деньги на указанное место. Хошь отвалить тыщу целковых вовсе не с руки и не по нашим капиталам, но что поделаешь — живот мошны дороже. Расстроился я просто — во как! Однако Катерина Савельевна мне говорит: «Не дело ты надумал, Карпуша! Ты человек семейный, и не пристало тебе подобными деньжищами швыряться почем зря!» — «Хорошо тебе говорить, — отвечаю, — у меня самого сердце кровью обливается, но умирать тоже неохота. Да и как вы без меня останетесь? Заклюют вас все, кому не лень, по миру пустят!» А супруга свое твердит: «Полезь, что деньги атаману отдашь, ни-

какой! Поймут душегубы, что ты пугливый да покладистый, и через неделю уже три потребуют! Что ж, ты им три тоже выложишь? А потом и все пять, если не десять прикажут принести». И расстроила она меня, господа начальники, этими словами, хоть плачь! Я и впрямь бы заплакал, только моя Катерина Савельевна, мудрая женщина, говорит мне: «Послушай моего совета, Карпуша! Иди-ка ты в сыскную полицию да отыщи там самого главного начальника, фамилия его Тартищев, а звать Федор Михайлович. От него, говорят, никакой пощады жуликам не бывает. Расскажи ему все как есть. Так вернее будет! И защитит он тебя от мазуриков, да и деньги при тебе останутся». До сегодняшнего обеда мы с ней судили да рядили. Поверите, за всю ночь глаз не сомкнули. Ведь Федора Михайловича я без подсказки супруги давно знаю. Суров он, ох как суров! И все-таки Катерина Савельевна на своем настояла. И вот я пришел к вашей милости, не оставьте без внимания, защитите!

Полиндеев умоляюще посмотрел на Ивана и вдруг неожиданно бухнулся на колени и прижал ладони к груди.

— Но-но! — Иван погрозил ему пальцем. — Что за театр! Встаньте сейчас же!

Он вышел из-за стола и приблизился к купцу. Тот снова взгромоздился на стул и застыл, понурившись, словно в ожидании смертельного приговора. Вавилов слегка встряхнул его за плечо.

— Успокойтесь же, Карп Лукич! Скажите спасибо Катерине Савельевне, что на нужный путь вас наставила. Мошенников поощрять нельзя, это она правильно заметила. А мы вас защитим, но только и вы должны нам помочь!

— Ну, за этим дело не станет! — Полиндеев заметно повеселел. — Ежели расходы какие или, к примеру сказать, благотворительность, то мы с превеликим нашим удовольствием! — И он полез в карман за бумажником. — Скажите сколько, никаких денег не пожалею!

— Да вы никак свихнулись, голубь мой, с перепугу? —